

© 2017 г.

В.В. СОГРИН

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 года И ПЕРИПЕТИИ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Согрин Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Новая и новейшая история», руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, председатель Российской ассоциации историков-американистов (Москва, Россия).

Обратившись к анализу темы, я обосновываю собственную концепцию, не претендуя на ее единственную истинность. Автор готов к дискуссии, иным точкам зрения, к диалогу, который предполагает восприятие убедительных контраргументов. Важным условием подобного диалога является развитие его в рамках научного дискурса. Одной из основ такого дискурса, по моему убеждению, является отказ участников от замалчивания неудобных фактов и явлений, реально существующих, но не вписывающихся в концепцию того или иного участника.

Поясню на примере, что я имею в виду. В современной отечественной политической мысли и публицистике распространилась точка зрения, связывающая распад СССР, советского социализма и, следовательно, поражение (возможно, временное) социалистического наследия 1917 г. с целенаправленными усилиями и заговорами Запада, в первую очередь США. Тем самым абсолютизируется роль внешнего фактора, который, безусловно, нужно учитывать и анализировать. Но при этом игнорируется внутренний фактор драматического события, а многие выразители данной точки зрения даже утверждают, что этого фактора вообще не существовало, поскольку де СССР и социализм были вполне благополучны и даже успешны. Я не однажды приводил, критикуя такую точку зрения, следующий контраргумент¹. Да, США и Запад хотели победы над СССР и социализмом и прилагали для этого разнообразные усилия, в том числе конспирологического свойства. Но ведь и СССР, со своей стороны, стремился устранить США и капитализм с исторической арены, также используя для этого разнообразные средства. Почему же успеха добились США, а не СССР, почему американские, а не советские спецслужбы торжествовали победу? На мой взгляд, объективный ответ на этот вопрос требует разностороннего, принимающего во внимание все исторические факторы, анализа рассматриваемого явления.

Кратко изложу основные историографические оценки Русской революции 1917 года. В советский период она разделялась на Февральскую революцию, которой выставлялись острокритические оценки, и Великую Октябрьскую социалистическую революцию, которой давались самые высокие оценки и которую рассматривали как начало новой эпохи всемирной истории, венцом которой являлось глобальное торжество принципов Октября. Эта концепция утратила господствующую и, тем более, монопольную позицию в эпоху горбачёвской перестройки. На рубеже 80–90-х годов прошлого века ведущая историографическая тенденция заключалась в возвеличивании либеральной Февральской революции, потерпевшей поражение, и в отрицании исторического

---

¹ См. подробно: *Согрин В.В.* Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачёва до Путина. М., 2001.

значения Октября, который все чаще обозначали как «переворот». Среди обобщающих исторических работ одним из первых полнокровных выражений либерального направления в отечественной историографии стала коллективная монография «Наше отечество. Опыт политической истории», опубликованная в 1991 г. под грифом Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). В ней западный исторический путь предстает как образец для России. Согласно одному из определений, данных в коллективной монографии, это «накатанная дорога к свободе, равенству и братству»². В отличие от марксистско-ленинских учебников Февраль 1917 г. предстал образцом подлинно демократической революции, а «цветом русской интеллигенции» объявлялись не революционные демократы и социалисты, а партия кадетов. Главным творцом Октября, как явствует из монографии, был один человек — В.И. Ленин. Впрочем, по мнению авторов, не творцом, а злым гением, ибо октябрьские события, именовавшиеся в марксистско-ленинской историографии неизменно Великой Октябрьской социалистической революцией, в монографии определяются как «октябрьский переворот». Либеральная историография воспроизвела обвинение против Ленина, выдвинутое летом 1917 г. Временным правительством против лидера большевиков: он объявлялся германским шпионом. Впрочем, это обвинение было воспринято не только либералами, но также, как не парадоксально, их оппонентами, публицистами монархическо-имперского толка. Последние, среди которых нашлось место и профессиональным историкам, возлагали на большевистско-германский «заговор» ответственность за крушение уже не столько Февраля, сколько Российской империи.

В начале XXI в. в отечественной историко-политической мысли на ведущей позиции все более прочно утвердилось положение, что империя рухнула по вине не столько большевиков, сколько либералов, т.е. не Октября, а Февраля. Главным авторитетом в развитии этой концепции следует, на мой взгляд, признать А.И. Солженицына. В 2000-е годы он переключился с критики «Красного колеса» и Октября 1917 г. на критику Февраля 1917 г. В пространной статье, опубликованной в 2007 г. в правительственной «Российской газете» по случаю 90-летия Февраля, он изъяснился предельно четко: «В ночь с 1 на 2 марта Петроград проиграл саму Россию — и больше чем на семьдесят пять лет»³. Российская империя стала идеализироваться Солженицыным еще раньше. В 1990-е годы он писал: «Россия перед войной 1914 года была страной с цветущим производством, в быстром росте, с гибкой децентрализованной экономикой, без стеснения жителей в выборе экономических занятий, было положено начало рабочего законодательства, а материальное положение крестьян настолько благополучно, как оно никогда не было при советской власти. Газеты были свободны от предварительной политической цензуры (даже и во время войны), существовала полная свобода культуры, интеллигенция была свободная в своей деятельности, исповедание любых взглядов и религий не было воспрещено, а высшие учебные заведения имели неприкосновенную автономность. Многонациональная Россия не знала национальных депортаций и вооруженного сепаратистского движения»⁴. Россия и монархия, согласно Солженицыну, сохраняли величие и в годы Первой мировой войны, но были преданы в Феврале экономической, политической, культурной и религиозной элитой.

У Александра Исаевича появились сторонники, в том числе из властных кругов. В.А. Никонов, известный общественный и политический деятель, доктор исторических наук, развивая солженицынский приговор Февралю 1917 г. и Временному правительству, расставлял точки над «и»: «Всех будущих министров объединяла принадлежность к Земгору, ВПК, Прогрессивному блоку. И все они, как потом выяснилось, состояли в масонских ложах... В свержении власти императора сыграли роль

² Наше отечество. Опыт политической истории, т. 1–2. М., 1991, т. 1, с. 356.

³ Солженицын А. Размышления над Февральской революцией. — Российская газета, 27.XII.2007, с. 10.

⁴ Солженицын А. Публицистика, в 3-х т. Ярославль, 1995, т. 1, с. 345.

и внешние силы... К моменту революции Россия была готова в военном и экономическом отношении к успешному продолжению военных действий... Голод и разорение России зимой 1916/1917 года не грозили, хлеба хватало, промышленность росла... Если выявить социальный слой, в наибольшей степени приближавший революцию, то им окажется интеллигенция... В подготовке революции приняло участие большинство российских политических партий в спектре от октябристов до большевиков. Решающую роль сыграли либералы... Легитимацию перевороту дала Дума... Временное правительство разрушило российскую государственность»⁵.

В отличие от процитированных авторов, я исхожу из исторической обусловленности как Февральской, так и Октябрьской революции 1917 года. Я присоединяю свой голос к тем, кто определяет, как революцию, и Февраль, и Октябрь. Среди таковых не только советские и многие современные российский историки, но и не менее великий, чем А.И. Солженицын, Н.А. Бердяев. Бердяев при не меньшей, чем у Солженицына, нелюбви к Ленину и большевикам, утверждал, что «революция октябрьская и есть настоящая народная революция в ее полном проявлении»⁶. Фундаментальную причину революции Бердяев определял так: «Мир господствующих привилегированных классов, преимущественно дворянства, их культура, их нравы, их внешний облик, даже их язык, был совершенно чужд народу – крестьянству, воспринимавшему их как мир другой расы, иностранцев»⁷. Приведу также убедительную, с моей точки зрения, концепцию объективных причин краха николаевской России, высказанную одним из участников дискуссии с А.И. Солженицыным о Февральской революции: «История, как известно, не терпит сослагательных наклонений. “Случайно” три революции и две проигранные войны – Русско-японская и Первая мировая... не происходят. Попытка объяснить Февральскую революцию в 1917 году случайностью, мягко говоря, несостоятельна... Не доводите народ до крайностей – не будет революций!»⁸.

Я считаю возможным поддержать высказанную в современной отечественной исторической литературе ту точку зрения, что Февраль и Октябрь вполне можно рассматривать как единую Русскую революцию 1917 года. В этом случае Февраль предстает как либеральный этап, переросший затем в социалистический Октябрь. Февраль не смог решить задач, отвечавших чаяниям революционного народа, в первую очередь крестьянства, обратившегося, вопреки позиции Временного правительства, к самочинным захватам господской земли и присвоившего к кануну Октября 90% дворянских угодий. Октябрь поддержал эту революцию «снизу».

Социалистическая партия большевиков оказалась более чуткой к чаяниям народа, чем Временное правительство, и Октябрь вывел революцию на социалистический путь, по которому Россия шла затем на протяжении 74 лет. Через 74 года последовало поражение социализма. Почему и насколько поражение социализма глубоко?

Размышляя над утверждением Н.А. Бердяева о том, что «революция октябрьская и есть настоящая народная революция в ее полном проявлении», я вижу его смысл в постижении главного качества российской народной ментальности как стремления к социальной справедливости. Потенциал этого устремления накапливался от пугачевского бунта до массового и перманентного крестьянского возмущения реформой 1861 г., давшей ограниченную личную свободу без земли. В.И. Ленин и большевики смогли артикулировать это устремление в своей программе – «Земля крестьянам!», «Фабрики рабочим!», «Власть Советам!» – и в декретах, одобренных сразу же после 25 октября. Все иные партии не смогли предложить программы «настоящей народной революции в ее полном проявлении» в течение предшествующих семи месяцев. В этом причина смены Февраля Октябрем. Но соперничество либерализма и социализма на

---

⁵ Никонов В.А. Крушение империи. Почему за несколько дней была разрушена российская государственность. – Российская газета, 16.ИИ.2007.

⁶ Бердяев Н.А. Русская религиозная мысль и революция. – Версты, Париж, 1928, № 3, с. 58.

⁷ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990, с. 111.

⁸ Российская газета, 30.ИИ.2007.

этом не закончилось. Более того, оно переместилось на мировой уровень, стало определяющим трендом (воспользуясь современным обозначением) мировой истории.

При этом и социализм, и либерализм, не оставались неизменными. В.И. Ленин, вдохновитель и организатор русского Октября, опирался на марксистское учение, но приспособлял его к российским условиям. Он заменил марксово положение о том, что социализм первоначально победит в развитой капиталистической стране, другим тезисом: антикапиталистический прорыв произойдет в «слабом звене», а таким может стать среднеразвитая страна, к каковой была отнесена Россия. Ленин был убежден, что социализм сможет восторжествовать, одержав победу во всемирно-историческом масштабе. Путь к ней лежал через мировую коммунистическую революцию, успех которой в условиях катастрофических пертурбаций Первой мировой войны, краха четырех империй, полевения социума как в побежденных странах, так и в европейских странах-победительницах казался осуществимым в обозримые сроки. В целях практической реализации этой цели был создан Коммунистический интернационал, в который вошло множество коммунистических партий, воспринявших ленинскую перспективу как реальность. На протяжении существования Советской России, а с 1922 г. СССР, ленинский, а затем сталинско-ленинский вариант социализма доминировал в коммунистической идеологии. КПСС и советские общественные науки разработали и восприняли в качестве основополагающей концепцию, которая в законченном виде гласила: мировой капитализм после 1917 г., ознаменовавшегося возникновением советского социализма, вступил в стадию общего кризиса, который имел тотальный характер и все более углублялся. Этот кризис в десятилетия после Второй мировой войны был разделен на три этапа, и явно подразумевалось, что третий этап окажется для капитализма последним, после чего возможности его развития будут полностью исчерпаны. Венцом истории станет всемирная смена капитализма социализмом.

Но такая перспектива была абсолютно не приемлема для капиталистической системы, в первую очередь как раз ее самых развитых стран, одержавших победу в Первой мировой войне. В этих странах основополагающей идеологией был либерализм, принявший вызов социализма. Его главными выразителями во время русской революции выступили не Англия и Франция — главные европейские державы, которым принадлежала основная роль в победе над германским блоком, а Соединенные Штаты Америки, которые вступили в войну в апреле 1917 г., внесли в победу серьезный вклад и сочли возможным претендовать на место лидера нового мироустройства. Их президент В. Вильсон проявил готовность создать прочные барьеры на пути ленинской коммунистической перспективы и подчинить мировое развитие американской либерально-капиталистической альтернативе.

Вильсон, которого в американской внешнеполитической мысли считают основателем *идеалистической*⁹ стратегии внешней политики, как и его предшественник на президентском посту, Т. Рузвельт, которого считают отцом внешнеполитического *реализма*, были твердыми приверженцами и выразителями американского мессианизма (Американские «идеалисты» предпочитали говорить об *интернационализме*). Оба верили, что Соединенным Штатам, цивилизации исключительной, предопределено распространять демократию в мире. Оба были убеждены, что американская промышленность и сельское хозяйство могут успешно развиваться, только активно расширяя в режиме «открытых дверей» свое присутствие на мировых рынках, что американский флаг должен или прокладывать дорогу коммерции, или следовать по ее пятам. Это был постулат неразделимости экономической и политической экспансии. Также обязательной являлась экспансия идеологическая и культурная. Только триада — экономика, политика, идеология — могла полнокровно и гармонично обеспечить американское мировое лидерство. Оба политика были убеждены, что американская

---

⁹ В данном случае понятие «идеализм» означает подчинение американской внешней политики распространению в мире национальных ценностей США.

гегемония должна выйти за континентальные рамки и за пределы одного Западного полушария. В 1900 г. В. Вильсон, тогда еще профессор Принстонского университета, изъяснился определенно: «Мир превратился в единое целое; каждая его часть является соседом всех других. Никакая нация не может дольше отгораживаться от других... Долгом Соединенных Штатов становится участвовать во всем этом, стремясь к открытию и трансформации Востока... Востоку суждено стать открытым и трансформированным, хотим мы этого или нет; стандарты Запада должны быть привнесены в него; нации и народы, которые пребывали в спячке столетия... станут частью универсального мира коммерции и идей... Наш особый долг ... регулировать этот процесс в интересах свободы»¹⁰.

На начальных этапах Первой мировой войны США, не участвуя в ней, приняли на себя роль мирового кредитора. Уже тогда, в июле 1916 г., Вильсон сформулировал нечто наподобие закономерности: «Тот, кто финансирует мир, должен... управлять им»¹¹. А размышляя о принципах послевоенного миропорядка, Вильсон имел в виду принципы американской Декларации независимости и Конституции. То есть это должен был быть *Rex Americana*. Вильсон был убежден, что другие страны примут подобный миропорядок добровольно: что могло быть лучше демократии и либерализма?

Будучи в ноябре 1916 г. переизбранным в должности президента, В. Вильсон отверг классическую доктрину «равновесия сил» как основы грядущего миропорядка. Этой системе «организованной вражды» он противопоставил систему «упорядоченного всеобщего мира». Его основой мог быть «мир без победы, без аннексий и контрибуций». Его руководителем должна была стать Лига Наций, взявшая на вооружение, помимо демократии и либерализма, право наций на самоопределение, а также доктрину Монро. Подняв на щит доктрину Монро, Вильсон давал ей собственную трактовку. Ее сутью, согласно его логике, был запрет на завоевание и образование новых колоний. Этот запрет распространялся теперь не только на Западное полушарие, как хотел Дж. Монро, но на весь мир. Мировой рынок должен был существовать в режиме «свободных дверей», которые обеспечивали, очевидно, преимущество для самой передовой американской экономики. Вильсон провозглашал и хотел утвердить «Американизм для всего мира»¹².

США вступили в войну в апреле 1917 г. в качестве ассоциированного члена Антанты. Перипетии войны преподнесли сюрприз со стороны третьего ведущего участника Антанты, России. Февральская революция, вызвавшая эйфорию в США, летом — осенью 1917 г. переросла в революцию социалистическую. К власти пришли В.И. Ленин и партия большевиков. Ленин попытался перехватить у Вильсона инициативу переустройства мира и вступил в бескомпромиссное противоборство с либерализмом и капитализмом. В ноябре 1918 г. он обнародовал программу мира, которая, в отличие от вильсоновской, стала без промедления воплощаться в жизнь. Были обнародованы секретные планы стран Антанты, свидетельствовавшие об их антидемократических планах колониальных переделов и захватов.

Вильсон вступил в идеологическую дискуссию с Лениным при помощи «14 пунктов», оглашенных в конгрессе США 8 января 1918 г. Концептуально они не отличались от прежней вильсоновской программы мира, но были более конкретны, в первую очередь в отношении европейских стран¹³. «14 пунктов» Вильсона позиций русского большевизма ничуть не ослабили. Антанта явно «теряла» Россию. Ход российской истории было решено повернуть вспять с помощью интервенции. Вслед за Англией и Францией США летом 1918 г. ввели в Россию войска численностью около 13 тыс. человек. Интервенция окончилась провалом. Американские войска, потеряв убитыми 222 человека, были выведены из России еще до окончания Гражданской войны.

¹⁰ Цит. по: *Bacevich A. American Empire. Cambridge (Mass.), 2002, p. 1.*

¹¹ *The Papers of Woodrow Wilson, v. 1–69. Princeton, 1966–1994, v. 38, p. 145.*

¹² *Ibid., v. 40, p. 535–536.*

¹³ *Ibid., v. 45, p. 536–538.*

В январе 1919 г. страны-победительницы в Первой мировой войне приступили к подведению ее итогов в Париже. Прибывший на конференцию В. Вильсон рассматривал свою страну как внесшую решающий вклад в победу, а себя как главного миротворца, имевшего право определять стратегию и решения форума. Лидеры Англии и Франции с претензиями и стратегическими планами Вильсона были категорически не согласны. Они так и не приняли вильсоновской программы «мира без победы, без аннексий и контрибуций», как и притязаний США на гегемонию в послевоенном мире. У США были более сильные экономика и финансы, но у двух главных стран Антанты было преимущество как в сухопутных (у обеих), так и в военно-морских (у Англии) силах. Выработанная в течение года в Париже Версальская система международных отношений, отвечала, в первую очередь их замыслам.

Самый чувствительный удар Вильсон получил в дискуссиях вокруг Лиги Наций. Идея Лиги Наций была для американского президента излюбленной. Именно в ней он видел точку опоры, с помощью которой надеялся перевернуть систему международных отношений, избавиться от ее прежнего порока «конька» — равновесия сил, заменив его коллективной ответственностью мирового сообщества за сохранение мира и интересов всех и каждого (при этом лидерство США в Лиге Наций считалось само собой разумеющимся).

В момент образования Лиги Наций в ней был более 40 государств, а в конце ее существования их насчитывалось более 60. Но в обоих случаях среди них не было США, главного инициатора Лиги Наций. Вступление США в Лигу Наций отказался поддержать американский сенат, согласие которого было необходимо в соответствии с Конституцией Соединенных Штатов. Решение сената стало для Вильсона тяжелейшим ударом, явившимся, по мнению многих, причиной его тяжелейшего инсульта в сентябре 1919 г.¹⁴ Сенат США нанес первый удар по Вильсону 14 февраля 1919 г., заявив, что предложенный вариант Лиги Наций для него неприемлем. Вильсон немедленно вернулся из Парижа в США, попытавшись страстными обращениями к народу США, переговорами с сенатом и некоторыми уступками добиться одобрения своего проекта. Но сенат был непреклонен. Лейтмотивом для главных оппонентов Вильсона — лидеров Республиканской партии служила *realpolitik*. Они были, в отличие от Вильсона, убеждены, что у США нет достаточных военно-политических ресурсов, чтобы играть главную роль в Лиге Наций. Соединенные Штаты, по их убеждению, должны были сохранить «свободу рук», чтобы адекватно защищать свои интересы на мировой арене.

В 1919–1920 гг. «идеалистическая» программа Вильсона была отклонена в самих США, где верх взяли реалисты — изоляционисты, признавшие стратегию Вильсона утопичной и посчитавшие, что Соединенным Штатам необходимо воздерживаться от участия в каких-либо блоках и реализовывать национальные интересы соразмерно собственной экономической и военно-политической мощи. Но последующее историческое развитие, особенно после Второй мировой войны, во все нарастающей мере закрепляло господствующую позицию за вильсоном, обращая так или иначе в его сторонников даже формальных оппонентов. Г. Киссинджер в конце XX в. признавал: «В течение трех поколений критики Вильсона яростно нападали на его анализ и выводы, и все равно в то же самое время вильсоновские принципы оставались прочнейшим фундаментом американского внешнеполитического мышления»¹⁵. Н. Левин, предшественник противоположной Киссинджеру «ревизионистской» школы, высказывал аналогичное суждение, подчеркивая, что «даже потерпев поражение по вопросу о Лиге Наций, Вильсон в конечном итоге одержал триумфальную победу в долгосрочной битве формирования природы внешней политики США XX столетия»¹⁶.

¹⁴ Вильсон так и не смог оправиться от него, скончавшись в 1924 г. в возрасте 67 лет.

¹⁵ *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997, с. 41.

¹⁶ *Levin N. G.* Woodrow Wilson and World Politics: American Response to War and Revolution. New York, 1968, p. 260.

В глазах американской власти Советская Россия была идеологическим врагом номер один. Но это не дает оснований для вывода о возникновении уже в тот период «холодной войны», как это делают некоторые американские авторы¹⁷. СССР не был тогда сверхдержавой, каковой оказался в результате Второй мировой войны. Именно вследствие последней СССР и США стали вершителями мировой политики, между которыми началось острое соперничество и реальная «холодная война». В 1920-е годы, во время правления Республиканской партии отношение США к СССР было неизменно враждебным. Американские государственные деятели твердили об антагонизме советской системы и американской демократии, о противозаконном характере отказа Москвы признать долги царского и Временного правительств Соединенным Штатам, о террористической деятельности Коминтерна. Вместе с тем в отношении США к России возникла и развивалась тенденция прагматического сорта. Возрастающую активность в отношениях с СССР проявлял американский бизнес, в том числе его видные представители. Мотив извлечения высокой прибыли перевешивал в сознании рискованных и предприимчивых американцев политические предубеждения и запреты. К 1928 г. на американский бизнес приходилось 25% всех иностранных инвестиций и импорта в СССР. Одна треть тракторов, экспортировавшихся Г. Фордом, поступала в СССР. В Советском Союзе она составляла 85% от всего тракторного парка. Кроме Форда с СССР, игнорируя запреты Госдепартамента, активно сотрудничали такие титаны американского бизнеса, как А. Гарриман и Дж. Хаммер. Подъем в советско-американских экономических отношениях продолжался до мирового экономического кризиса 1929 г., после чего он пошел вниз¹⁸.

Противоборство советского социализма его начального периода и капиталистической цивилизации определялось не конфликтом СССР и США. Его эпицентром стала Европа. В 1920 г. на II Конгрессе Коммунистического интернационала было принято «21 условие приема в Коминтерн», которое подчиняло его установкам деятельность всех коммунистических партий, ориентировало их на установление в своих странах диктатуры пролетариата и советской власти. Окончательная победа социализма, подчеркивал В.И. Ленин, возможна только в результате торжества мировой коммунистической революции. Ее ареал должен был охватить Запад и Восток, но первые победы должны были быть одержаны в Европе. Вторым после России «слабым звеном» капитализма была избрана Германия, в конце 1918 г. сдавшаяся Антанте. В Германии началась революция, и Советская Россия приложила усилия, включая материальную поддержку, чтобы германская революция повторила ее пример. Казалось бы, основание для этого имелось: в Германии возникли советы, а социал-демократия взяла политическую власть в свои руки. Однако быстро выяснилось, что германские социал-демократы хотели идти по либерально-демократическому пути, жестко подавляли левых радикалов, следовавших русскому образцу. Баварская Советская республика, провозглашенная в апреле 1919 г., вскоре потерпела поражение. Коммунисты Германии во главе с Э. Тельманом и при поддержке Коминтерна попытались в 1923 г., воспользовавшись резким обострением отношений своей страны с Францией, утвердить советскую власть в Саксонии и Тюрингии. Но центральное правительство разогнало местные левые правительства, жестко подавило вооруженное восстание в Гамбурге.

В 1919 г. была подавлена социалистическая революция в Венгрии, на смену которой пришел диктаторский режим адмирала М. Хорти. В следующем году поражением завершилась попытка распространения советской власти на Польшу. В 1920 г.

---

¹⁷ См., например: *Fleming D.F. Cold War and Its Origins, 1917–1960*, v. 1–2. New York, 1960; *Powaski R.E. The Cold War. The United States and the Soviet Union 1921–1991*. Oxford (NY), 1999; *Дэвис Д.А., Трани Ю.П. Первая холодная война: наследие Вуддро Вильсона в советско-американских отношениях*. М., 2002.

¹⁸ *Small M. Democracy and Diplomacy. The Impact of Domestic Politics on US. Foreign Policy, 1789–1994*. Baltimore – London, 1996, p. 60; *Jeansonne G. Transformation and Reaction. America 1921–1945*. Long Grove (IL), 2004, p. 98–99.

независимая Польша попыталась расширить свою территорию за счет Украины, организовав наступление на Восток и даже захватив Киев. Но Красная Армия смогла остановить поляков, перейти в контр наступление, занять Правобережную Украину и Белоруссию и начала стремительно продвигаться к Варшаве. Воодушевленный таким успехом, В.И. Ленин полагал, что Красная армия должна «помочь советизации Польши, штыком пощупать — не созрела ли революция пролетариата»¹⁹. Но поляки ответили на наступление Красной армии мощным националистическим подъемом, сумели остановить ее и принудить Советскую Россию к миру, по которому Польше отошла Западная Украина и Западная Белоруссия. От 100 до 160 тыс. красноармейцев оказались в плену, многие впоследствии погибли в польских лагерях²⁰.

В середине 1920-х годов СССР переместил эпицентр борьбы за распространение социализма в Китай. В Китае развивалась ожесточенная гражданская война. В стране соперничали несколько правительств. «Правительства милитаристов» к середине 20-х годов были подчинены маньчжурской власти, выступавшей официально в качестве общекитайской. С ней вело войну правительство партии Гоминдан, изменившее соотношение сил в свою пользу. С середины 20-х годов главным опекуном Гоминдана выступил СССР, оказывавший ему разнообразную военную помощь. Но когда СССР и Коминтерн потребовали от Компартии Китая подчинить себе Народный фронт, оттеснив Гоминдан, и перейти к социалистической революции, Гоминдан разорвал отношения с советским правительством. Гоминдан одержал победу над официальной китайской властью и установил контроль над всей страной. Его лидер Чан Кайши стал ориентироваться на развитие отношений в первую очередь с США и Великобританией. Тут на авансцену дальневосточной политики решительно выступила Япония. В 1928 г., после того как правитель Маньчжурии ответил демаршем на японские требования и пригласил на помощь американских советников, он был уничтожен офицерами японской Квантунской армии. В сентябре 1931 г. японская Квантунская армия, после спровоцированного взрыва на Южно-Маньчжурской железной дороге, захватила две из трех провинций Маньчжурии. Японская империя нацелилась на подчинение всего Китая и стала главной опасностью для СССР на Востоке.

Уже в первой половине 20-х годов руководители СССР стали осознавать чрезмерную увлеченность идеей скорой мировой коммунистической революции. От самой идеи они не отказывались, но сроки ее отсрочивались. Она становилась как бы «журвалем в небе», а «синицей» признавалось строительство социализма в самом Советском Союзе. Его новый глава, И.В. Сталин, вступивший в жесткую дискуссию с «левыми» коммунистами (Л.Д. Троцкий и др.) в 1924 г. обосновывал возможность построения социализма первоначально в одной отдельно взятой стране, т.е. в СССР, хотя вместе с тем в 1927 г. в докладе на XV съезде ВКП(б) подчеркивал неизбежность столкновения СССР с капиталистической системой и мировой коммунистической революции²¹. Сталин предложил программы индустриализации, коллективизации и культурной революции в СССР. Развитие социализма пошло по сталинскому пути, а отказ в 1928 г. от ленинского НЭПа зримо обозначил его серьезные отличия от стратегии основателя Советской России.

Ведущие европейские страны, Великобритания и Франция, отвечали Советской России жесткими контрмерами, оказывали поддержку Польше, Латвии, Эстонии, Литве, Финляндии, выстраивая из них, как и из других «малых» стран, окружавших молодую советскую республику, защитный «санитарный» кордон. Наибольшую непримиримость в отношении СССР проявляла Великобритания. В этой стране после Первой мировой войны были осуществлены важные либерально-демократические преобразования, прежняя двухпартийная система консерваторы — либералы уступила

¹⁹ Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2000, с. 374.

²⁰ Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений 1918–1939. М., 2008, с. 103.

²¹ Там же, с. 158–159.

место новой, в которой место либералов заняли лейбористы. Они проявляли и гибкость в отношении советской страны, а в 1924 г., когда впервые оказались у власти, даже признали СССР. Но генеральной линией Лондона было «сдерживание» СССР и противостояние коммунизму и Коминтерну. Летом 1920 г. во время успешного наступления Красной армии на Польшу министр иностранных дел Англии лорд Керзон направил советскому правительству ультиматум, в котором потребовал остановить наступление по линии, определенной Антантой в качестве восточной границы Польши («линия Керзона»). В мае 1923 г. Керзон направил вторую, еще более жесткую ноту-ультиматум советскому правительству. Она требовала прекратить подрывные действия против Великобритании в Иране, Афганистане и Индии, отозвать «виновных» из этих стран, остановить преследования религиозных деятелей в России, выплатить денежную компенсацию англичанам, репрессированным Москвой. Советская сторона перед угрозой разрыва англо-советского торгового соглашения 1921 г. должна была пойти на серьезные уступки Лондону²². В 1924 г. накануне парламентских выборов ведущая английская газета опубликовала вымышленное письмо Г.Е. Зиновьева, председателя Коминтерна, компартии Великобритании с инструкциями о вооруженном восстании с целью установления советской власти. Публикация сыграла важную роль в победе консерваторов на парламентских выборах²³. В 1927 г. консерваторы, обвинив Москву в подрывных действиях против Великобритании, в частности, в поддержке всеобщей стачки английских шахтеров, пошли на разрыв дипломатических отношений с СССР.

20-е годы отмечены началом разыгрывания Лондоном против СССР германской «карты». Москва, не расставаясь с идеей коммунистической революции в Германии, вместе с тем стремилась укреплять отношения с реальной германской властью, которая отвечала позитивно (Раппальский договор 1922 г.), пытаясь вырваться из унижительных условий Версальского мира. Англия, со своей стороны, вынашивала план построения европейской системы безопасности, включавшей Германию, но исключавшей СССР. В августе 1924 г. Великобритания инициировала прием Германии в Лигу Наций. Попытка СССР не допустить сближения Германии с Западом натолкнулась на жесткий ответ германского канцлера и министра иностранных дел Г. Штретзмана: «Раппальский договор никогда не рассматривался Германией как поворот к Востоку, который исключал бы согласие с Западом». Вместе с тем Штретсман отвел опасение Москвы о возможности для Германии оказаться в антисоветском блоке²⁴.

Рубеж 20–30-х годов ознаменовался радикальным изменением расстановки сил на мировой арене, как и тенденцией развития советского социализма. Советский Союз приступил к осуществлению сталинской революции «сверху», добившись серьезных успехов во всех трех составляющих — индустриализация, коллективизация, культурная революция, которые упрочивались на протяжении 30-х годов. В то же время Запад в 1929–1933 гг. погрузился в самый тяжелый в своей истории экономический кризис, сопровождавшийся катастрофическим падением производства, массовой безработицей, социально-политической дестабилизацией. Главным политическим следствием кризиса в Европе был подъем правого радикализма, высшей точкой которого стал приход к власти в Германии фашизма, использовавшего разные механизмы, в том числе волеизъявление избирателей. Вследствие таких пертурбаций прежний основополагающий конфликт советского социализма и капитализма уступил место конфликту трех противоборствующих сил — социализм, либерализм, фашизм. Гитлер и германский фашизм объявили своим главным врагом коммунизм, но ставили целью также взятие реванша у либеральных режимов за поражение Германии в Первой мировой войне и унижительный Версальский мир. Все эти факторы внесли важные изменения

²² *Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю.* Новейшая история Великобритании. XX – начало XXI века. М., 2012, с. 116–117.

²³ Там же, с. 122.

²⁴ *Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е.* Указ. соч., с. 137–139.

во взаимоотношения социализма и либерализма, выстраивали их сложную «игру» (воспользуюсь в данном случае политологическим термином), которая сопровождалась переменчивыми отношениями с третьей силой — фашизмом.

Перипетии этой политической «игры» исследованы в тысячах исторических и политологических трудов. Консенсус исторических и политологических школ достичь не удалось, и он никогда не будет достигнут. Позволю себе высказать собственные оценки на эту тему. Главным мотивом каждой из трех сил являлась победа над двумя другими силами. Для достижения этой цели использовались любые средства, перед которыми отступали мораль и нравственность, свершались фантастические политические кульбиты. Либерализм вдруг проявлял готовность к альянсу с социализмом против фашизма, но одновременно вынашивал идею направить удар фашизма против социализма. Социализм «усмирил» идею мировой коммунистической революции и протягивал руку не только социал-демократам, но и либералам в целях создания в капиталистических странах антифашистских «народных фронтов». Но он никогда не доверял либералам, вполне осознавал их желание направить удар фашизма против социализма и в «час X» был готов на согласие с фашизмом, если тот перенаправит свой главный удар против либерализма. Фашизм вел, со своей стороны, дьявольскую игру с обеими этими силами.

Одной из главных политических сенсаций 30-х годов можно признать фантастический кульбит советско-американских отношений — смену в них знака минус на плюс. Феномен советско-американских отношений 1930-х годов объясняется конкретно-историческими реалиями 1930-х годов и личной позицией Ф. Рузвельта, занявшего пост президента США одновременно с приходом в начале 1933 г. к власти в Германии Гитлера и фашистской партии. С этого момента и вплоть до смерти президента Рузвельта в апреле 1945 г. форматирование отношений социализма и либерализма в нарастающей степени определялось позицией этого незаурядного лидера, его гроссмейстерской политической игрой с вождем советского и мирового социализма И. В. Сталиным. Ф. Рузвельт, выступивший против антисоветской ортодоксии Республиканской партии, как и антисоветских взглядов В. Вильсона, по собственной инициативе, практически сразу после вступления в президентскую должность, поставил задачу незамедлительного признания Советского Союза. Одна из причин — возможность поправить при помощи СССР, твердо и успешно вставшего на путь индустриализации, экономические трудности США. Другая основополагающая конкретно-историческая причина была внешнеполитической. В ходе переговоров в ноябре 1933 г. с советской стороной американские переговорщики указали на наличие «двух главных источников военной опасности» для мира и ясно дали понять, что в американских глазах таковыми являются Германия и Япония²⁵. Это совпадало с советской оценкой. Переговоры о признании СССР были проведены в течение двух недель, а дипломатические отношения установлены 16 ноября 1933 г.

Первый посол США в СССР У. Буллит был преисполнен благих намерений. Он приложил немало усилий для облегчения американскому капиталу реального выхода на советский рынок, инвестиций в экономику, в первую очередь в ударные стройки сталинских пятилеток. Энтузиазм сменился у Буллита охлаждением, разочарованием и ненавистью к СССР в 1935 г. в значительной мере под воздействием начатых Сталиным массовых политических репрессий. Буллит стал рассматривать сталинский режим как большее зло, чем гитлеровский фашизм. Это не совпадало с оценками Рузвельта. Первый американский посол в СССР был заменен. Вторым послом США в СССР Дж. Дэвис, приступивший к обязанностям в ноябре 1936 г., был твердым сторонником укрепления отношений с Москвой. На стороне Дэвиса был Рузвельт, который при всей неприязни к сталинской диктатуре и репрессиям полагал, что позиция посла соответствует национальным интересам США.

---

²⁵ Москва — Вашингтон. Политики и дипломатия Кремля. Сб. док. в 3-х т. Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2009. Т. 3. 1933—1941, с. 30, 33.

Рузвельт разделял позицию Великобритании и Франции в отношении гитлеровской Германии — *умиротворение* фашистского режима. Основная ответственность за поощрение гитлеровской экспансии может быть возложена на две главные европейские демократии — Францию и особенно Великобританию: они играли главную роль в европейской, а, следовательно, и в мировой политике по отношению к Германии. Именно они определили содержание стратегии умиротворения по отношению к Гитлеру, которая стала повивальной бабкой Второй мировой войны. Рузвельт и США, придерживаясь стратегии невмешательства в европейские распри, одобряли принципы этой стратегии, но главная роль в ее проведении принадлежала Великобритании и Франции. Великобритания надеялась выстроить в качестве двух главных европейских антагонистов СССР и Германию и столкнуть их лбами. При этом для Великобритании гитлеровская Германия была меньшим, а СССР — большим злом. Это отличало ведущего английского политика 30-х годов Н. Чемберлена от Рузвельта, для которого Сталин был меньшим злом²⁶.

Великобритания с ее многовековым опытом мирового и ее позиции «европейского смеющегося третьего» вела изощренную политику в отношении как Германии, так и СССР. В конце 30-х годов, когда европейский баланс радикально менялся в пользу Германии, она попыталась разыграть против нее советскую «карту». Но Сталин оказался не менее изощренным политиком, чем Н. Чемберлен. Выступая 10 марта 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б), он разделил ведущие капиталистические страны на агрессивные (среди них главная — Германия) и неагрессивные (в них включались Великобритания, Франция и США) и, подчеркнув советский выбор в пользу неагрессивных стран, вместе с тем твердо заявил, что им в борьбе с агрессорами не удастся «загреть жар чужими руками»²⁷. 23 августа 1939 г., заключив пакт о ненападении с Гитлером, он дал понять, что имел в виду в речи 10 марта.

Рузвельт, отдававший во внешней политике преимущество сталинскому социализму перед германским тоталитарным капитализмом, в своей внутренней политике последовательно проводил курс, выступавший исторической альтернативой им обоим. И в теории, а, главное, на практике он осуществил перестройку либерализма, преобразовав его в социальный либерализм. Главным достижением Рузвельта, с точки зрения противостояния либерализма реальному социализму, можно признать то, что его реформы вдохнули жизнь в рушащуюся систему свободного нерегулируемого капитализма. Среди экономических мероприятий рузвельтовского президентства главными нововведениями стали механизмы регулирования денежной эмиссии, банковско-финансовой сферы, фондового рынка. В исторической ретроспективе достижением предстает выдвинутая Рузвельтом и настойчиво воплощавшаяся в жизнь концепция «заправки насоса» — расширения покупательной способности основных слоев общества как фундаментального механизма борьбы с перепроизводством и экономическими кризисами. Среди социальных достижений на первое место можно поставить создание впервые в американской истории национальной системы социального страхования. К достижениям необходимо отнести законы, позволившие нижним социальным классам и группам резко расширить возможности участия в распределении национального богатства. Рабочее законодательство позволило трудящимся оспорить монопольное прежде право предпринимательского класса на распределение прибавочной стоимости. Со времен Рузвельта одобренная им социально-экономическая модель стала основополагающей альтернативой советскому социализму в либеральных капиталистических странах в целом.

История распорядилась так, что со второй половины 1941 г. реальный социализм и либеральный капитализм вступили в альянс против тоталитарного капитализма. Это был вынужденный и с точки зрения исторической обусловленности временный

²⁶ Подробно см.: *Согрин В.В.* США в XX — XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М., 2015, с. 210—252.

²⁷ Цит. по: Год кризиса, 1938—1939. Документы и материалы, т. 1. М., 1990, с. 233.

альянс, которому суждено было распаться после победы над фашизмом. Победа была достигнута, альянс распался и перерос в «холодную войну» СССР и США, двух главных союзников по антигитлеровской коалиции. В ходе Второй мировой войны произошли радикальные геополитические пертурбации, главная среди которых, с точки зрения соперничества социализма и капитализма, заключалась в том, что социалистический Советский Союз утвердился на позиции мировой сверхдержавы, а второй такой сверхдержавой стали либерально капиталистические США. Но в годы войны СССР и США были надежными союзниками, и это дало основание поколениям историков осмысливать возможности сохранения этого союза и предотвращения «холодной войны». Альянс СССР и США не смог сохраниться, но в отношениях двух стран времен войны, действительно, содержатся факты, дающие возможность полагать, что антагонизм их систем мог быть законсервирован, и они могли продолжить послевоенное развитие, как минимум, в режиме мирного сосуществования.

Антифашистский альянс периода войны складывался посредством стратегических и тактических договоренностей, уступок, компромиссов. Рузвельт с самого начала был озабочен выработкой идеологической основы антифашистского альянса, которая должна была определить контуры и даже основы будущего мироустройства. С идеологической точки зрения, доктрины Рузвельта носили либеральный характер, но, как ни парадоксально, Сталин одобрял многие из них. Первое объяснение лежит на поверхности: в обмен Сталин получал от союзника важные геополитические уступки и щедрую экономическую помощь. Следующее объяснение заключается в том, что Сталин не придавал доктринам, выработывавшимся на перспективу, серьезного значения. Главным было добиться военно-стратегического успеха, а после этого политический торг мог быть возобновлен.

Первым и основополагающим либеральным документом, подготовленным совместно Рузвельтом и Черчиллем, стала Атлантическая хартия. Она была одобрена в середине августа 1941 г., а в ее выработке наряду с двумя западными лидерами участвовали два их помощника. Особенно важная роль принадлежала помощнику Рузвельта, заместителю госсекретаря США С. Уэллесу. Уэллес был ключевой фигурой созданного в конце 1939 г. Совещательного комитета по проблемам международных отношений. Главной функцией комитета была разработка теоретических принципов и конкретных планов нового миропорядка, который должен был прийти на смену обанкротившейся версальско-вашингтонской системе после победы над фашизмом. Хотя автором идеологии и концепции «Американского века», означающего мировое обустройство под эгидой США, традиционно считается газетный магнат Г. Люс, опубликовавший в феврале 1941 г. в журнале «Тайм» статью «Американский век», а затем одноименную брошюру²⁸, ее активно разрабатывали многие американские «интернационалисты». В американском руководстве главным вдохновителем концепции был сам Рузвельт, а одну из весомых ролей в пестовании концепции послевоенного «Американского века» уже с 1939 г. играл Уэллес.

В Атлантической хартии либеральные принципы США предлагались в качестве матрицы всего мирового развития. К концу сентября 1941 г. Атлантическая хартия была одобрена 15 государствами, включая СССР. Личные встречи Рузвельта со Сталиным во время войны были принципиально важны для определения будущего миропорядка, более того именно их две встречи (в Тегеране в ноябре – декабре 1943 г. и в Ялте в феврале 1945 г.) стали подлинно судьбоносными как для мировой политики периода Второй мировой войны, так и для послевоенного мироустройства. Важность контактов и взаимодействия США с СССР на всех уровнях имела тенденцию усиливаться. СССР, одерживавший фантастические победы над вермахтом, превращался в мировую сверхдержаву. Рузвельт это осознавал и во все большей мере относился к СССР как к сверхдержаве, пусть и лишенной добродетелей, какими он наделял свою страну.

---

²⁸ Luce H. The American Century. New York, 1941.

Что касается отношений Рузвельта с СССР, то он понимал, что, без Советского Союза западным демократиям с мировым фашистским злом не справиться. Поэтому западные демократии и коммунистическая диктатура должны были самым тесным образом сотрудничать и помогать друг другу. Ради этого Рузвельт был даже готов перестать называть СССР диктатурой, а Сталина диктатором. Более того, у него возникла вера, что со временем Советский Союз можно ввести в лоно либеральной цивилизации²⁹. В годы Второй мировой войны Рузвельт, как и многие представители американской элиты и миллионы простых американцев, прониклись к сталинскому СССР искренней симпатией, стали забывать о различиях между советской и американской системами. Еще в 1939 г., согласно социологическому опросу, большинство американских респондентов считали коммунизм большим злом, нежели фашизм. Но с лета 1941 г. кривая социологического мониторинга резко изменилась. По совокупному показателю 1941–1945 гг. только 20% американцев испытывали недоверие к СССР и слабо верили в возможность продолжения сотрудничества с ним после окончания войны. 35% были оптимистами и верили в такую возможность. 45% были оптимистами «наполовину». Оптимизм достиг пика осенью 1943 г. (оптимистами были 54% опрошенных) и медленно пошел на спад с 1944 г.³⁰

Рузвельт признавал геополитические интересы СССР в Восточной Европе и на Дальнем Востоке. Он признал возможность для Советского Союза укрепить свои границы за счет суверенных прав Латвии, Литвы и Эстонии³¹. Также он считал возможным пойти на уступки Сталину в польском вопросе. Рузвельт поддержал территориальные запросы СССР на Дальнем Востоке. Сталин также шел на уступки лидеру либерального капитализма. Так, уступкой с его стороны был отказ от идеи мировой коммунистической революции (за полгода до Тегерана был распущен Коминтерн), что не означало отказа Сталина от расширения, уже иными средствами, советской сферы влияния в мире.

Отношение Рузвельта к СССР отражало позицию значительной части американской политической и военной элиты. Но отнюдь не ее всей. Негативную линию в отношении СССР обозначал госдепартамент. Как ни парадоксально, противоположную позицию, совпадавшую с рузвельтовской и укреплявшую ее, занимало военное министерство. Осенью 1942 г. в его аналитической записке утверждалось: «Россия нужна нам не только как могущественный военный союзник для разгрома Германии; в конечном счете, она понадобится в аналогичной роли для разгрома Японии. И, наконец, она нужна будет нам как подлинный друг и деловой клиент в послевоенном мире»³². Необходимые уступки интересам СССР со стороны Рузвельта и его единомышленников не означали отказа от идеи «Американского века», но они означали необходимость трезвого расчета баланса между вильсоновским «идеализмом» и политическим «реализмом». Иллюстрацией такого расчета может служить известное высказывание Рузвельта, относящееся к 1943 г.: «Миру повезет, если он получит 50% от ожидаемых результатов войны (совершенно очевидно результатов, соответствующих американским целям. — В.С.). Это будет высокая средняя величина»³³.

Создается впечатление, что Рузвельт до конца дней верил в возможность изыскивать средства «приручения» СССР к идее мирового порядка по-американски³⁴. В противном случае невозможно объяснить, почему он исповедовал не только целе-

²⁹ Welles S. Where Are We Heading? New York, 1945, p. 37.

³⁰ Dallek R. The American Style of Foreign Policy. Cultural Politics and Foreign Affairs. New York, 1983, p. 130, 138–139.

³¹ Сиполс В.Я. Великая победа и дипломатия. 1941–1945. М., 2000, с. 91–92.

³² Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. 1–2. М., 1958, т. 2, с. 282–285.

³³ Цит. по: Gardner L.C. A Covenant With Power: America and the World Order From Wilson to Reagan. London, 1984, p. 63.

³⁴ Подробно о позиции Рузвельта и его отношениях с СССР и Сталиным см.: Согрин В.В. Ф.Д. Рузвельт и СССР. 1933–1945. — США. Экономика. Политика. Культура, 2013, № 11.

сообразность, но и реальность не просто сосуществования двух «тотально разных» сверхдержав – победительниц, но их сотрудничества. Представляется, что Рузвельт видел тому как объективное, так и субъективное основания. Объективное основание заключалось в том, что в годы войны США совершили мощный рывок не просто к лидерству, но к гегемонии и доминированию в мировой экономике. Их удельный вес в мировой экономике вырос с довоенных 20 до более чем 50%. Но экономическое доминирование выразилось не только в этих цифрах. На завершающем этапе войны США создали прочные международные институты экономической гегемонии. В середине 1944 г. в американском городке Бреттон-Вудс был учрежден Международный банк реконструкции и развития, активы которого практически полностью принадлежали Соединенным Штатам. Всемирный банк, как его стали для краткости называть, предназначался для восстановления экономики европейских стран, а также помощи нуждающимся странам Азии, Латинской Америки, Африки. В то же время и в том же месте был создан Международный валютный фонд (МВФ). Он был призван обеспечить стабильность международных денежных расчетов и обращения. Его резервами стали золото и доллары, вместо прежних золота и фунта стерлингов. США тогда контролировали две трети мировых запасов золота и по золотой обеспеченности доллар был вне конкуренции. В обоих международных финансовых центрах большинство постов принадлежали американцам.

Субъективное основание заключалось в самом Рузвельте. Он верил в способность человека менять ход истории. Реалии 30–40-х годов убеждали многих (среди них, вероятно, и самого американского президента), что именно Рузвельт являлся таким человеком. Он спас американскую цивилизацию от экономического краха в 30-е годы, а в 40-е годы поднял США до уровня экономической и военно-политической сверхдержавы. Политическому гроссмейстеру Рузвельту казалось, что, взаимодействуя со Сталиным в «лайковых перчатках», используя экономическую зависимость Москвы от Вашингтона и обладая «сухим порохом» ядерного оружия, он сможет «полюбовно» взаимодействовать со второй мировой сверхдержавой.

Сомнительно, чтобы «фактор Рузвельта» принципиально повлиял на Сталина в послевоенном обустройстве Европы и мира. Но смерть Рузвельта оказала воздействие на отношения СССР и США. Новость о смерти Рузвельта 12 апреля 1945 г. погрузила СССР в национальный траур. Миллионы советских людей искренне плакали и были уверены, что Россия потеряла лучшего зарубежного друга. Опасения советских руководителей по поводу последствий смены национального лидера в США не заставили себя ждать. Сменивший Рузвельта на президентском посту Г. Трумэн не был политическим гроссмейстером, а тем более уровня Рузвельта. Будучи, как и Рузвельт, приверженцем концепции «Американского века», Трумэн не горел желанием и не обладал искусством действовать в отношениях с Москвой в «лайковых перчатках». Он с самого начала выказал намерение полагаться на силу. Когда 23 апреля 1945 г. В. М. Молотов, советский министр иностранных дел, впервые встретился в Вашингтоне с Трумэном, тот без промедления окатил московского союзника ушатом ледяной воды. Сам американский президент впоследствии горделиво отмечал, что нанес советскому министру сходу «двойной удар в челюсть», жестко потребовав следовать букве ялтинских соглашений³⁵. Трумэн был готов к радикальной перемене отношений с главным антигитлеровским союзником. Она не замедлила последовать.

«Холодная война», начавшаяся сразу после Второй мировой войны, была предопределена внутренними свойствами двух главных союзников антигитлеровской коалиции – США и СССР. Оба нацелились бороться за мировое лидерство между собой. «Холодная война» продолжалась с 1945 по 1991 г., соотношение сил соперников в ходе «холодной войны» менялось. Соперничество двух сверхдержав определялось

---

³⁵ Американские историки-ревизионисты считают этот день началом «холодной войны». См. об этом: *Gaddis J. L. Russia, the Soviet Union and the United States. An Interpretive History.* New York, 1978, p. 169.

геополитическим, экономическим, идеологическим мотивами, при этом усиливалось значение их конфликта как главных сил социализма и либерального капитализма.

Советский лидер первого этапа И.В. Сталин руководствовался разными соображениями, а одним из главных было вслед за освобождением восточноевропейских стран, «установление и укрепление режимов “народной демократии” и сплочение стран с таким режимом в единый лагерь»³⁶. США действовали на оккупированных территориях по схожей логике. Соединенные Штаты с самого начала обладали серьезными экономическими и политическими преимуществами перед реальным социализмом, которые с течением времени упрочивались. В сферу их влияния вошли побежденные капиталистические страны, в первую очередь Западная Германия, Италия, Япония, которые достаточно безболезненно интегрировали американские ценности. Монопольное обладание Вашингтоном ядерным оружием в начале «холодной войны» было важной причиной жесткой позиции в отношении СССР.

Серьезный очаг «холодной войны» возник на Балканах, традиционно рассматривавшихся Россией как сфера ее национальных интересов. Главным противником России на Балканах до того выступала Великобритания. Но 21 февраля 1947 г. британское правительство информировало США, что оно не в состоянии поддержать законное греческое правительство в противостоянии с коммунистическими бунтовщиками. Великобритания ясно дала понять Вашингтону, что защита западных интересов на Балканах под силу только Соединенным Штатам. 12 марта 1947 г. Трумэн обратился к конгрессу США с просьбой выделить для поддержки греческого и турецкого правительств 400 млн долл. Послание президента, одобренное конгрессом и ставшее известным как доктрина Трумэна, стало основой глобальной политики США, отмеченной, по заключению ее критика, ведущего американского международного той эпохи Г. Моргентау, «неспособностью провести различие между желаемым и возможным, между воображаемым и реальным» и «опасностью провала попытки ее использования»³⁷.

Европейский ареал стал для Соединенных Штатов центром противостояния с СССР. В 1948 г. важным способом укрепления и расширения американского плацдарма была избрана экономическая помощь, воплотившаяся в доктрине Маршалла 1948 г. В окончательном варианте план Маршалла содержал политические условия, одно из главных – исключение коммунистов из правительств стран, принявших помощь. Это способствовало ослаблению влияния сильных компартий во Франции и Италии. План Маршалла помог главным послевоенным союзникам США – Великобритании, Федеративной Республике Германии и Франции – встать на ноги и сделать западную цивилизацию центром мирового экономического развития.

В те же 1948–1949 гг. произошло оформление военно-политического союза – блока между США и западноевропейскими странами. Американская внешнеполитическая традиция, заложенная Дж. Вашингтоном, накладывала табу на военно-политические союзы с европейскими странами в мирное время. Трумэн летом 1948 г., давая согласие баллотироваться на новых президентских выборах, твердо заявил, что возвращение к изоляционизму 20–30-х годов невозможно и что для победы американского внешнеполитического «интернационализма» нужна «двухпартийная поддержка»³⁸. Для республиканцев, которые являлись оплотом изоляционизма, а в 1946 г. впервые за 14 лет получили большинство в сенате, наступил «момент истины». А. Вандерберг, до того яростный лидер изоляционизма, предложил резолюцию, одобрявшую вхождение в «региональное или другое коллективное установление»³⁹. 11 июня 1948 г. резолюция

³⁶ Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000, с. 78.

³⁷ Morgenthau H.J. A New Foreign Policy for the United States. New York, 1951, p. 117.

³⁸ Public Papers of the Presidents of the United States, Harry S. Truman, 1948. Washington (DC), 1964, p. 406–410.

³⁹ Encyclopedia of American History. New York, 1976, p. 470.

была поддержана сенатом США. Это означало крах изоляционизма, бесповоротное утверждение глобализма в качестве основополагающей внешнеполитической доктрины США и санкционировало создание атлантического американо-европейского военно-политического блока. В 1949 г. участниками НАТО стали США, Великобритания, Франция, Италия, Канада, Нидерланды, всего 12 государств. В 1952 г. в блок были приняты Греция и Турция, а в 1955 г. ФРГ. В блок вошли некоторые авторитарные европейские страны, среди них салазаровская Португалия, тем не менее его хартия утверждала приверженность либерально-демократическим ценностям – «демократии, индивидуальной свободе, правому государству, свободным институтам, благосостоянию»⁴⁰.

Вторым ареалом соперничества США и СССР стал Дальний Восток. В июле 1949 г. госсекретарь США Дин Ачесон признал фиаско многолетней ориентации правительства США в Китае на Гоминдан и Чан Кайши. Поддерживаемая частью политического класса США идея полномасштабной интервенции Соединенных Штатов в Китай не имела, по заключению Ачесона, никакой перспективы. 1 октября 1949 г. в Пекине было объявлено о создании Китайской Народной Республики во главе с Мао Цзэдуном и компартией. 14 февраля 1950 г. между КНР и СССР был заключен договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Чан Кайши и Гоминдан, поддерживаемые США, отступили на Тайвань. На позицию Вашингтона не могло не повлиять известие о том, что СССР в сентябре 1949 г. успешно испытал атомную бомбу. Это был крупный успех мирового социализма и серьезное поражение США на том этапе противоборства социализма и капитализма.

Республиканцы, пришедшие к власти в результате выборов 1952 г. решили изменить тенденцию. Свою роль сыграл президент Д. Эйзенхауэр, но наиболее весомо влиял на ужесточение позиции США государственный секретарь Дж. Даллес. Даллес характеризовал прежнюю концепцию «сдерживания коммунизма», как оборонительную и, по его мнению, пораженческую. Выдвигались доктрины «отбрасывания коммунизма», там, где он мог возникнуть и «освобождения», т.е. пестования антикоммунистической оппозиции и помощи ей в свержении коммунистического режима в тех странах, где он уже был установлен. *Массированное возмездие*, вошедшее в американские внешнеполитические анналы в качестве еще одной доктрины Даллеса, означало готовность и способность США пресечь советское наступление в любой момент, в любой точке и любыми необходимыми для этого средствами вооружения, включая ядерные. Радикальная стратегия Даллеса была поименована «балансированием на грани войны».

Отношения США с СССР все же не исчерпывались «балансированием на грани войны». В целом ряде случаев они были достаточно прагматичными. Позиция президента США, американских избирателей и союзников испытывала воздействие тех перемен, которые начались в СССР практически одновременно с вступлением Эйзенхауэра в президентскую должность. После смерти 5 марта 1953 г. И.В. Сталина перипетии внутривосточной борьбы привели к власти Н.С. Хрущева, выступившего в пользу определенной либерализации как внутренней, так и внешней политики Советского Союза. Даллес увидел в инициативах Хрущева признак советской слабости, которая могла использоваться для реализации доктрины «освобождения» европейских народов от коммунизма. Тенденции развития восточноевропейских стран, вызванные к жизни хрущевской «оттепелью», давали для этого повод. В нескольких из них произошли массовые выступления против тоталитарных социалистических порядков, а в Венгрии антисоциалистические настроения вылились в осеннее восстание 1956 г. США, одобряя антисоциалистические выступления в Восточной Европе, все же на открытую конфронтацию с СССР не решились. Военный конфликт с СССР в Европе был чреват реальной ядерной войной.

⁴⁰ U.S. Statutes at Large, v. 63, pt. 2. Washington (DC), 1950, p. 2241–2244.

Но в других регионах США сохраняли верность «отбрасыванию коммунизма». В ответ на установление коммунистического режима в Северном Вьетнаме Эйзенхауэр заявил, что если этому процессу решительно не воспрепятствовать, сработает эффект домино – коммунисты поработят Индокитай, Бирму, Таиланд, Индонезию. «Теория домино», высказанная Эйзенхауэром в апреле 1954 г., санкционировала начало американской военной интервенции в Юго-Восточной Азии. В марте 1957 г. Эйзенхауэр потребовал пресекать на Ближнем и Среднем Востоке «агрессию любой страны, контролируемой международным коммунизмом». Понятие «коммунистической угрозы» не расшифровывалось, и на практике под ней стали понимать действия любой силы, угрожавшей геополитической гегемонии США. Еще в 1951–1953 гг. США отождествили с «коммунистической угрозой» деятельность иранского радикально-националистического политика М. Моссадыка. Конгресс США выделил 10 млн долл., потраченных на оплату уличных протестов против «левого» иранского премьера. Моссадык был свергнут в 1953 г.

США приложили усилия для включения в сферу своего влияния Египта, ключевого государства Ближнего Востока, арабского мира и мусульманского сообщества. Они оказались тщетны. В начале 1952 г. власть в Египте взяла организация «Свободные офицеры» во главе с Г.А. Насером, политиком радикально националистических взглядов. На Насера не подействовали ни американский «пряник», ни «кнут», и в июле 1956 г. он издал декрет о национализации англо-французской компании Суэцкого канала. Великобритания, Франция и присоединившийся к ним Израиль в конце октября 1956 г. начали войну против Египта. В защиту Египта решительно выступил СССР, ультимативно потребовавший от Великобритании, Франции и Израиля прекратить агрессию и пригрозивший, в противном случае, использовать против агрессора силу. К полной неожиданности для мирового сообщества с осуждением агрессии Великобритании, Франции и Израиля выступили Соединенные Штаты. Сами Соединенные Штаты выпячивали «идеалистический» мотив: времена колониализма прошли, и пользоваться его принципами непозволительно даже ближайшим союзникам США. Их подспудный мотив состоял в том, что война, в которой на стороне Насера жестко выступила ядерная социалистическая сверхдержава, заключала в себе больше зла, нежели «плохой мир».

По завершению войны в Египте американские внешнеполитические аналитики продумали план «сдерживания коммунизма» на Ближнем и Среднем Востоке. Объектом ее первого практического применения стала Иордания. Не успела стихнуть политическая буря в Иордании, как еще более серьезная пертурбация случилась в Сирии. Пришедшая там к власти Партия Арабского социалистического возрождения (Баас) разорвала дипломатические отношения с Францией и Великобританией, а в августе 1957 г. заключила соглашение с Москвой о поставках в Сирию советского оружия. Госдепартамент США отреагировал заявлением о том, что Сирия превращается в базу распространения «советского коммунистического доминирования». Теперь деньги, отпущенные на реализацию доктрины Эйзенхауэра, было решено использовать для оформления альянса прозападных арабских режимов против Сирии и Египта и отправки турецкого воинского контингента к границам Сирии. Однако большинство арабских стран, среди них даже дружественные США, объявили о солидарности с Сирией по причине ее внешнеполитической «сверхзадачи» – ликвидация Израиля. В 1958 г. баасистская революция произошла в Ираке, был свергнут король Фейсал, провозглашена республика с радикальной националистической программой, страна вышла из Багдадского пакта. В целом политика США на Среднем и Ближнем Востоке понесла серьезные потери. В основе арабских революций лежали не происки мирового коммунизма, а радикальный антиколониальный национализм. Он включал не связанную с коммунизмом антизападную направленность, с чем не смогли согласиться лидеры США. Следствием были их серьезные внешнеполитические ошибки, которыми воспользовался СССР, начавший склонять влиятельные арабские страны на свою сторону.

В период президентства Эйзенхауэра США понесли первые серьезные потери в своей исторической «вотчине» — Латинской Америке. В 1950 г. президентом небольшой Гватемалы был избран Х. Арбенс, выдвинувший программу широкой национализации иностранной собственности, в том числе североамериканской «Юнайтед фрут компэни». В мае 1954 г. правительство Арбенса закупило партию оружия у социалистической Чехословакии. Эйзенхауэр считал это достаточным для того, чтобы дать указание ЦРУ устранить левое гватемальское правительство. Президент США высказал мнение, что «угроза коммунизма в Латинской Америке сильна, как никогда». Данная оценка была распространена на антидиктаторскую революцию на Кубе, одержавшую победу в 1958—1959 гг. Кубинские левые радикалы во главе с Ф. Кастро, свергнувшие Батисту, не выказывали антиамериканских намерений, и в феврале 1959 г. США признали правительство Кастро. Но уже вскоре выяснилось, что Кастро, как и Арбенс, был твердо намерен осуществить массовую экспроприацию американской собственности. В марте 1960 г. Эйзенхауэр одобрил план ЦРУ по свержению правительства Кастро.

Развитие событий на Ближнем и Среднем Востоке, как и в Латинской Америке, свидетельствовало о формировании в мире мощной «третьей силы», порожденной объективными внутренними запросами каждой из подключавшихся к ней стран. Практически во всех случаях радикальные политики, приходившие к власти в этих странах, отражали чаянья широких народных масс, но не были связаны с коммунизмом и СССР. Их протест был националистическим и, по сути, демократическим. США, объявлявшие себя выразителями мировой демократической революции, не смогли признать это и подчас собственными руками подталкивали радикалов к альянсу с СССР. СССР не упускал шанса укрепить собственные позиции. Но СССР допускал собственные ошибки. Как и США, он руководствовался черно-белым видением происходившей в мире политической дифференциации и стремился включить страны, выпавшие из сферы влияния США, в лагерь социализма. Этот подход ложился в основу программных документов КПСС, объявивших на рубеже 1950—1960-х годов о начале третьего и последнего этапа общего кризиса капитализма, должного завершиться его окончательным крахом. Энтузиазм советского руководства особенно укрепился в 1960 г., когда независимость обрели сразу 17 африканских колоний.

Изменение в содержании соперничества СССР и США с начала 60-х годов в значительной мере определялось с советской стороны повышением наступательного характера внешней политики Н.С. Хрущева, а с американской стороны — стратегическими нововведениями Дж. Кеннеди, избранного президентом США в ноябре 1960 г. Риторика Кеннеди включала идею борьбы между американской (демократической) и советской (коммунистической) революциями.

В 1962 г. СССР по договору с Ф. Кастро стал тайно размещать на Кубе ракеты с ядерными боеголовками. Размещение советских ракет на Кубе, с точки зрения «равновесия страха», было объяснимо, поскольку американцы уже давно разместили ракеты вдоль границ СССР в Турции. Поведение как Хрущева, так и Кеннеди во время кубинского кризиса оказалось мудрым, они смогли вывести мир из опаснейшей ситуации и предотвратить ядерную катастрофу. Два лидера пришли к выводу о необходимости выработать правила взаимоотношений, которые бы предотвращали возможность взаимного ядерного уничтожения. Условия и правила такой конфронтации стали выработываться. Для установления этих правил важны были реальные сдерживающие меры. Первой мерой стало подписание 8 августа 1963 г. тремя ядерными державами — СССР, США и Великобритания — Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космосе и под водой. Вторым принципиальным соглашением стал Договор о нераспространении ядерного оружия, подписанный теми же державами летом 1968 г. Тяжесть конфронтации США и СССР была перенесена в «периферийные» регионы.

США пытались закрепить свои позиции с помощью военно-политических блоков и в их строительстве намного превзошли Москву. У последней их на «периферии» не

было вообще. Но это превосходство США в 60–70-е годы не подкреплялось перераспределением в их пользу «спорных» стран и территорий. Вашингтон рассматривал антиамериканский выбор практически любой страны, как результат «происков» Москвы. Особую опасность представляла ситуация в Латинской Америке, где усиливались социалистические (в первую очередь) и коммунистические партии. К власти все чаще приходили национал-реформистские правительства, которые, хотя и отмежевались от левых партий, на практике проводили революционные мероприятия, в первую очередь национализацию собственности иностранных корпораций, аграрные реформы, импортозамещающую индустриализацию, которые совпадали с требованием левых сил. «Знаковыми» стали события в Доминиканской республике. В январе 1963 г. ее президентом стал Х. Бош, лидер национал-реформистской Доминиканской революционной партии. Очень скоро его реформаторский курс стал радикализироваться, создав опасность для национальной олигархии. 25 сентября в результате путча правых Бош был свергнут. Началась гражданская война, а в апреле 1965 г. была сброшена уже военная хунта. В этот критический момент президент США, которым после убийства в ноябре 1963 г. Дж. Кеннеди стал Л. Джонсон, решительно выступил на стороне доминиканских правых. Им была обнародована «доктрина Джонсона», которая провозгласила «право США на вооруженное вмешательство в любой стране Западного полушария с целью помешать установлению коммунистического правительства». Доктрина была поддержана конгрессом США, и американские войска в количестве 30 тыс. человек подавили «доминиканскую весну»⁴¹.

Настоящая катастрофа ожидала США в борьбе за расширение сферы влияния в Юго-Восточной Азии. После предоставления в 1954 г. независимости Вьетнаму он разделился на два государства – северное и южное. Север оказался во власти коммунистов, а Юг – проамериканских сил. Расколом не были удовлетворены ни Север, ни Юг. На Юге сторонниками Хо Ши Мина был внедрен Фронт национального освобождения (Вьетконг), развернувший партизанскую войну против режима Нго Дин Дьема. Правительство Эйзенхауэра, вооружившееся доктриной «домино», последовательно помогало Нго Дин Дьему, а конечную цель видело в воссоединении Вьетнама по американскому сценарию. Кеннеди унаследовал подход Эйзенхауэра. Сменивший его на президентском посту Л. Джонсон продолжил вьетнамскую политику Кеннеди. Решающее значение в поражении США имела мощная атака Вьетконга в ночь с 30 на 31 января 1968 г. (наступление вьетнамского Нового года) на крупнейшие города Южного Вьетнама. 31 марта в телевизионном обращении к нации Л. Джонсон объявил о прекращении бомбардировок Северного Вьетнама и о своем отказе баллотироваться на новый президентский срок.

Динамика военно-политического противоборства с СССР в 1960-е годы для США выглядела не утешительно. США понесли серьезные потери в Юго-Восточной Азии, сдали позиции на Ближнем Востоке и даже в Латинской Америке. Либеральный капитализм не утвердился ни в одной из стран, которую США с помощью материальной поддержки или военного вмешательства пытались «поднять» до своего конституционно-политического уровня. В реальности США пришлось сотрудничать с монархическими, авторитарными и диктаторскими режимами, опираться на их поддержку в борьбе с альтернативной революционной моделью.

Незыблемыми оставались позиции США в Западной Европе, где либерально-демократические режимы упрочились и развитие которой ознаменовалось серьезными экономическими успехами. Особенно важным было повсеместное проведение в странах Запада социальных реформ в интересах средних и нижних слоев, утверждение во всех них такого феномена, как социальное государство, поименованное в тот период «государством всеобщего благоденствия». Это был прямой ответ на вызов советского и мирового социализма. Социальное государство должно было застраховать

⁴¹ *Строганов А. И.* Латинская Америка в XX веке. М., 2002.

высокоразвитые страны от его проникновения. Наибольших успехов в развитии социального государства добились страны Западной Европы. Но и в США его успехи в 60-е годы имели беспрецедентный характер, превзойдя по глубине социальные реформы Ф. Рузвельта 30-х годов. Оформились два главных компонента американского социального государства – социальное страхование, охватывающее всех американцев, и социальное вспомоществование, предназначенное для обездоленных слоев и отсутствовавшее в преобразованиях рузвельтовской эпохи.

Одной из значимых программ социального вспомоществования в США стала «Медикейд». Финансирование этой наиболее крупной программы для бедных в последующем выросло многократно. К концу XX в. расходы американского государства на социальное вспомоществование достигли около 437 млрд долл. в год. Бенефициантом социальных нововведений 60-х годов стали также американские пенсионеры. Общие расходы по пенсионной программе «Медикэр», одобренной в 1965 г., выросли в период с 1950 г. до начала XXI в. с 1 млрд до 479 млрд долл. Число получателей пенсий увеличилось с 3,5 до 47 млн человек. Многократно выросли размеры пенсий.

В то же время социально-экономические показатели реального социализма 60-х годов все более проигрывали западным странам. В начале десятилетия Н.С. Хрущев выдвинул задачу «догнать и перегнать США» по всем этим показателям к 1980 г. Была принята соответствующая программа КПСС. Но уже 60-е годы обнаружили ее утопизм. В мирном соревновании с Западом советский социализм терпел поражение. Огромную часть своих ресурсов он тратил на вооружение и на помощь растущему количеству бедных стран, вставших, как утверждали руководители КПСС, на путь построения социализма в Азии, Латинской Америке, Африке⁴². Критические голоса по этому поводу высказывались в советской элите кулуарно и доверительно. Г.Х. Шахназаров, в середине 60-х годов сотрудник Международного отдела ЦК КПСС, высказал свое критическое мнение Ю.В. Андропову, просвещенному секретарю ЦК КПСС. В ответ услышал: «Помнишь у Ленина: исход схватки будет решаться в Китае, Индии и других странах Востока... Туда, в развивающиеся страны, перемещается поле боя, там поднимаются силы, которых империализму не одолеть. И наш долг им помочь... Я тебе сказал: резервы у нас огромные. К тому же ты не учишься, что у Запада дела с экономикой не ладятся, социальных волнений не избежать»⁴³.

В 70-е годы тенденции соотношения сил капитализма и социализма мало отличались от 60-х годов. Количество стран, склонявшихся к «социалистическому» выбору увеличивалось, но технологическое и экономическое отставание реального социализма от Запада углублялось. СССР удалось привлечь на свою сторону ряд африканских стран. В 1974 г. после либерально-демократической «революции гвоздик» в Португалии ее колонии в Африке, среди них такие крупные, как Мозамбик и Ангола, добились независимости. В обоих новых независимых государствах к власти пришли левые режимы. Оба государства установили тесные отношения с Советским Союзом. Поддержку Москвы вызвал государственный переворот 1974 г. в Эфиопии, в результате которого была свергнута монархия, а пришедшие к власти военные провозгласили страну «социалистической». Соперничество Москвы и Вашингтона за влияние в Африке выглядело более успешным для Советского Союза.

В «собственном» регионе – Латинской Америке – США ради удержания своего господства должны были прибегать к силе. В 1973 г. в одной из ведущих латиноамериканских стран, Чили, президентом страны был избран лидер социалистической партии С. Альенде. Американский посол в Чили информировал Р. Никсона: «Чили спокойно проголосовало за превращение в марксистско-ленинское государство. Это

---

⁴² Провозглашенный в этих странах социализм отличался от советского, поэтому в СССР долго велись дискуссии, как его называть. В конечном счете в отношении многих стран стало использоваться определение «страны социалистической ориентации».

⁴³ *Шахназаров Г.Х.* Цена свободы. Реформация Горбачёва глазами его помощника. М., 1993, с. 26.

первая нация в мире, сделавшая подобный выбор свободно и осознанно». Легальный приход марксиста к власти не смутил Никсона. Спецслужбам было дано указание свергнуть негодный режим⁴⁴. С 1976 г., после того, как кандидат от Демократической партии США, Дж. Картер, одержал победу на президентских выборах, отношения с СССР приобретали все более напряженный характер. В ответ на ввод советских войск в 1979 г. в Афганистан администрация США приняла серию мер «наказания» Москвы. Мерой стратегического характера стала «доктрина Картера». Обнародованная 23 января 1980 г. в ежегодном послании «О положении в стране», доктрина объявляла регион Персидского залива зоной национальных интересов США. Особенно подчеркивалась опасность контроля Москвы над регионом, «поставляющим на мировой рынок две трети нефти». Для нейтрализации опасности США должны стать «сильнейшей нацией мира»⁴⁵. З. Бжезинский, помощник Картера по национальной обороне, считающийся главным разработчиком доктрины, предпринял необходимые меры для организации антисоветской оси США – Пакистан – афганская оппозиция, приступившей к активному вооруженному сопротивлению советским войскам. Большинство мусульманских стран, как и нейтральных государств, включая Китай, отнеслись к вторжению СССР в Афганистан негативно, и у США возникла возможность спланировать против СССР не только своих союзников, но и многие другие государства, в первую очередь исламские.

«Крестовый поход» США во главе с президентом Р. Рейганом против СССР ознаменовал начало завершающего (1981–1991) этапа «холодной войны». К президентским выборам 1980 г., принеся победу Рейгану, «вьетнамский синдром» в США ослаб, а национальный архетип мессианизма реанимировался. Победивший на выборах республиканец Рейган был выразителем мессианизма. Его сверхзадача была имперской: перейти в решительное наступление на СССР и мировой коммунизм, переломить соотношение ядерных сил и территориальное соперничество в пользу США, утвердить их в качестве единственного гегемона миропорядка⁴⁶.

На развитие соперничества США и СССР оказал влияние приход к власти в СССР в марте 1985 г. М.С. Горбачёва. Новый Генеральный секретарь ЦК КПСС предложил радикальную Перестройку как внутренней, так и внешней политики СССР. Внешнеполитическая перестройка, включавшая отказ от классового подхода и восприятие «общечеловеческих ценностей», означала признание чрезмерного «перенапряжения» СССР в ядерном и глобальном соперничестве с США, готовность идти на компромиссы и уступки для того, чтобы высвободить ресурсы, необходимые для вывода реально-социализма из глубокого экономического кризиса. Рейган, приняв вызов Горбачёва, начал выработать собственные правила «игры» в перестройке мировой политики.

Первый период (март 1985–1986 гг.) внутриполитического реформаторства Горбачёва ознаменовался выдвижением трех лозунгов, ставшим своеобразным паролем его деятельности – «ускорение», «гласность», «перестройка». Звучали они новаторски, но в действительности за ними скрывалась модель социалистической модернизации, вобравшая в себя подходы, цели, меры, уже использовавшиеся Хрущевым и Андроповым. Как и они, Горбачёв исходил из убеждения о непорочности основ советского социализма и видел главную проблему в том, что «потенциальные возможности социализма использовались недостаточно». Задача заключалась не в том, чтобы изменить советские основы, а в том, чтобы создать «больше социализма», ускорить его развитие⁴⁷. Как и Хрущев, Горбачёв видел историческую сверхзадачу в том, чтобы

⁴⁴ *La Feber W.* The American Age. United States Foreign Policy at Home and Abroad. 1750 to the Present. New York – London, 1994, p. 655.

⁴⁵ Two Centuries of U.S. Foreign Policy. The Documentary Record. Westport (CT) – London, 1995, p. 168–169.

⁴⁶ Подробно см.: *Согрин В.В.* США в XX – XXI веках, с. 400–430.

⁴⁷ *Горбачёв М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987, с. 18, 19, 51.

«догнать и перегнать Америку» на основе социалистической модернизации, доказав, что общественная собственность на средства производства, руководящая роль КПСС и пролетарское государство способны обеспечить более успешное развитие общества, нежели частная собственность, многопартийность и капиталистическое государство. Подобной установке отвечали важнейшие практические реформы первого этапа.

К концу 1987 г. выяснилось, что реформы не дают ожидаемых результатов. Тогда была выдвинута цель создания обновленной модели социализма, основой которой объявлялись политическая демократизация и социалистический рынок. Был провозглашен лозунг «Назад к Ленину», в качестве образца рассматривалась ленинская Новая экономическая политика (НЭП), противопоставленная сталинскому командно-административному социализму. Октябрь 1917 г. удостоивался самой высокой оценки, в качестве образца социализма обозначались его лозунги, среди них «Власть Советам!», воплощавшая, согласно идеологии Перестройки, суть демократии. Обновленная модель социализма также не принесла результатов, а запущенная Горбачёвым демократизация, включившая классические западные механизмы (альтернативные выборы, разделение властей, отмена цензуры, свобода собраний, партий и др.), обернулась против него. Силу стала набирать либерально-радикальная оппозиция, которую активно поддерживала разочаровавшаяся в возможности улучшения социализма часть масс. Б.Н. Ельцин, бывший высокопоставленный коммунистический чиновник, а теперь лидер прозападной антикоммунистической оппозиции, в июне 1990 г. одержал победу на президентских выборах в России.

Одним из поразительных феноменов последовавшего распада СССР было то, что среди республик, наиболее активно его разрушавших, одной из главных оказалась Россия (по формальным меркам – метрополия) после того, как в июне 1990 г. ее возглавили радикалы во главе с Ельциным. Избранная им и его единомышленниками стратегия утверждения и расширения суверенитета России за счет радикального сокращения полномочий правительства СССР стала главной силой, расшатывавшей союзное государство. Российская Декларация о суверенитете, одобренная 12 июня 1990 г., оформила процесс «парада суверенитетов» союзных республик. Метрополия, сокрушающая свою империю, – такого мировая история еще не знала.

«Перестройка» мировой политики 1985–1991 гг. ознаменовала завершение «холодной войны». Оно оказалось возможным в результате компромиссов и уступок, главным образом, со стороны СССР, что имело следствием утверждение США в качестве единственной сверхдержавы. США и либеральный капитализм обнаружили большую притягательность для многих стран социалистического лагеря. Восточноевропейские союзники СССР, как выявил ход исторических событий, тяготились включением их в социалистический лагерь по итогам Второй мировой войны. Когда во второй половине 1980-х годов горбачёвской перестройкой им была предоставлена возможность свободного выбора между социализмом и либеральным капитализмом, они выбрали последний.

На рубеже 80–90-х годов и Р. Рейган, и Дж. Буш-старший (президент США в 1989–1993 гг.) оценивали исход «холодной войны» как успех всего человечества без победителей и проигравших. Но после 1991 г. и краха СССР выяснилось, что такие оценки имели тактический характер, предназначались для того, чтобы не раздражать советского оппонента, но при этом вести с ним «игру» к итоговой выгоде для США. Уже в 1992 г. во время президентской избирательной кампании Дж. Буш-старший предъявил избирателям главную козырную карту Республиканской партии: «Мы одержали победу в “холодной войне”». Это утверждение стало общим местом в американской внешнеполитической идеологии и убеждением большинства граждан США. США без промедления идентифицировали себя как единственную сверхдержаву. Для руководства страны и политического класса в целом отсюда вытекали принципиально важные заключения. Первое состояло в том, что прежний миропорядок, в котором соперничали и делили мир США и СССР, исчез, поэтому необходимо формировать

основы нового миропорядка. Следующий постулат – Соединенным Штатам по праву победителя и потому, что они стали единственным мировым лидером, принадлежит руководящая роль в формулировании и выстраивании нового миропорядка.

Внешнеполитическая стратегия республиканцев и демократов после окончания «холодной войны» демонстрировала преемственность. Демократ Б. Клинтон, победивший Дж. Буша-старшего на президентских выборах 1992 г. и затем в течение восьми лет руководивший внешней политикой США, воспринял принципиальный подход, обозначившийся во внешней политике Вашингтона по завершению «холодной войны». Гегемонистские формулировки использовала государственный секретарь от Демократической партии М. Олбрайт. В «классику» гегемонистской риторики вошло ее определение Соединенных Штатов как «незаменимой нации» (“indispensable nation”) в роли мирового лидера⁴⁸. Особое значение Клинтон и демократы придавали переустройству мирового экономического порядка. Мир, твердил Клинтон, вступил в «Эру глобализации» (в которой, замечу, господствующее место заняли американские транснациональные корпорации), и США надлежало стать ее вдохновителем и лидером.

Гегемонистская стратегия Клинтона и демократов была развита в еще более жестких формах Дж. Бушем-младшим и Республиканская партией, пришедших к власти в результате победы на президентских выборах 2000 г. Своего рода квинтэссенцией внешнеполитической программы утвердившихся у власти неоконсерваторов явился проект «Новый американский век»⁴⁹. Речь шла о XXI в., который, согласно неоконсерваторам, должен был стать еще более американским, нежели век предшествующий. Ставка неоконсерваторов на силовое утверждение американского миропорядка имела следствием появление в их арсенале и такой доктрины как «смена режимов». Неоконсерваторы рассуждали о несостоятельных/не состоявшихся государствах, не способных естественным эволюционным путем трансформироваться в демократические и встроиться в американский миропорядок. Таким государствам следовало «помочь» свергнуть в них «порочные» режимы и «даровать» им демократию американского образца. Демократ Б. Обама, одержавший победу на президентских выборах 2008 г., поначалу осудил идею «однополярного мира», противопоставив ей концепцию мультипартнерства и цивилизационного плюрализма, но уже через два года после вступления в должность, воспринял и стал пестовать принципы «американской исключительности», мировой «демократической революции» по американской модели, дальнейшего распространения американского внешнеполитического господства, включая в него бывшие советские республики, в первую очередь Украину.

Претензии США на роль Римской империи XXI в. оборачивались катастрофическими последствиями. Наиболее глубокими они оказались в Ираке, завоеванным США в 2003 г. В 2011 г., когда было официально заявлено о завершении военной операции США в Ираке, было объявлено, что прямые военные расходы США составили 800 млрд долл., а общие расходы – 4 триллиона долл. Американские войска обнаружили полную неспособность остановить развязанную их вторжением кровавую гражданскую войну между шиитами и суннитами. Террористические ячейки, не обнаруженные в начале вторжения, теперь пустили прочные корни. Из Ирака бежал один миллион жителей, три миллиона остались без крова. США сочли за благо передоверить прекращение кровавой трагедии «демократическому» правительству Ирака.

Серьезными осложнениями сопровождалась отношения США с Латинской Америкой. В период президентской кампании 2000 г. Буш-младший объявил отношения с Южной Америкой важнейшим приоритетом Республиканской партии: «С настойчивостью и мужеством мы сделали прошлый век веком Соединенных Штатов. С нашим лидерством и убежденностью мы превратим новый век в век Америки»⁵⁰. Первым

⁴⁸ Bacevich A. Op. cit., p. 33.

⁴⁹ Statement of Principles, June 3, 1997. – <http://www.Newamericancentury.org>

⁵⁰ Цит. по: Сударев В. П. Две Америки после окончания холодной войны. М., 2004, с. 93.

делом администрация Буша начала активно продвигать план «Американской зоны свободной торговли» (АЛКА) по образцу европейского «Общего рынка». Было проведено множество конференций, двухсторонних переговоров с разными странами Латинской Америки, рассмотрено, пересмотрено и уточнено много пунктов и условий, но в конечном итоге, что выяснилось уже в конце первого президентского срока Буша-младшего, практической реализации плана не получалось. Важным для укрепления независимого экономического и политического курса латиноамериканских стран явилось нараставшее разочарование в неолиберальном Вашингтонском консенсусе⁵¹. К началу 2000 г. выяснились его негативные для Латинской Америки экономические и социальные последствия, главные среди которых – все более зависимое от стран Запада во главе с США экономическое развитие и социальная деградация. Наличие в странах Латинской Америки политической демократии позволило большинству избирателей пресечь этот процесс и привести к власти левые партии. В 1998 г. президентом Венесуэлы был избран У. Чавес (переизбран в 2006 и 2012 гг.). В 2002 г. президентом Бразилии избран лидер Партии Трудящихся Л.И. Лула да Силва (переизбран в 2006 г.). В 2003 г. в Аргентине президентом оказался избран Н. Киршнер, левый перонист, лидер «Фронта за победу». В Боливии в 2005 г. президентом был избран лидер партии «Движение к социализму» Э. Моралес. В Уругвае в том же году «левым» президентом был избран Т. Васкес, лидер объединения «Прогрессивная встреча – Широкий фронт». В 2006 г. в Чили президентскую победу одержала социалистка, последовательница С. Альенде, М. Бачелет. В Никарагуа к власти вернулся Д. Ортега. В Перу победил лидер Перуанской апристской партии, умеренный социалист А. Гарсиа. Умеренный социалист О. Ариас взял верх в Коста – Рике. В Гаити к власти пришел Р. Преваля, лидер левой партии «Надежда», а в Эквадоре Р. Корреа, также лидер левого движения. Большинство политических триумфаторов были умеренными социалистами (радикалами были президенты Венесуэлы, Боливии, к ним были близки руководители Никарагуа и Эквадора). Но все они отстаивали модель развития, альтернативную вашингтонской.

«Левый» поворот в Латинской Америке сопровождался перипетиями, и во второй половине 2010-х годов он начал сдавать позиции. Но его опыт, как и опыт других континентов, свидетельствует, что либерально капиталистического «конца истории», о котором объявил американский футуролог Ф. Фукуяма на исходе “холодной войны”⁵², не наступило и не может наступить. На самом деле цивилизационно – культурный плюрализм, обозначившийся в мировом пространстве в ходе и вследствие трансформаций 1980-х годов, это прочный мировой тренд, и он является неустрашимой альтернативой «Американскому веку». Неустрашим и конфликт социализма и капитализма. Социализм не может сохраниться в том виде, в котором он реализовался в СССР после 1917 г. Он будет реанимироваться в иных формах, но его ядро – тяга большинства человечества к социальной справедливости, которая была первопричиной Октября 1917 г., перманентна.

Об этом свидетельствует и опыт постсоветской России. В 1990-е годы переход России на основе «шоковой терапии» от социализма к капитализму сопровождался острыми противоречиями. Странники радикальных реформ давали им позитивные, а часто апологетические оценки, в то время как оппозиция и широкие социальные слои, положение которых резко ухудшилось, видели в реформах негативную сторону. Защитники реформ считали главной заслугой их творцов то, что удалось сдвинуть с мертвой точки введение в России рынка. Доказывалось, что освобождение цен

⁵¹ Вашингтонский консенсус был предложен латиноамериканским странам на исходе «холодной войны» Соединенными Штатами, МВФ и Всемирным банком как единственный безошибочный путь экономического развития. Он включал типичные неолиберальные принципы: минимальный дефицит бюджета, предельно низкие ставки налогов, либерализация финансовых рынков, свободный обменный курс национальной валюты, тотальная приватизация и др.

⁵² Фукуяма Ф. Конец истории? – Вопросы философии, 1990, № 3.

и либерализация торговли наполнили прилавки продовольственными продуктами и товарами. Цены на товары по свободным ценам оказались для многих людей недоступными, но зато любой товар можно было теперь купить, что согласно аргументации защитников реформ, создавало у всего населения стимул трудиться и зарабатывать деньги. А это в свою очередь служило основой подъема производства во всех сферах. Согласно данной логике экономический рост, увеличение доходов и покупательной способности должны были наступить естественным образом, как бы само собой, и весьма быстро. Сторонники реформ доказывали, что жесткая денежно-кредитная политика, финансовый контроль являлись единственной нитью, потянув за которую можно было распутать сложнейший клубок экономических проблем России.

Критики радикальных реформ видели их итоги в ином свете. Главным в их глазах была непомерно высокая социальная цена реформ. Уже в 1992 г. (первый год реформ) реальные доходы населения снизились на 56%. Резко усилилось неравенство в распределении национального дохода: все большая его часть стала сосредотачиваться в руках предпринимателей, посредников, людей занятых в торговле и сервисе, директорского корпуса, государственных чиновников и все меньшая часть — в руках рабочих, крестьян, интеллигенции. Созданию социальной структуры, основанной на острых контрастах, способствовала приватизация. Очень быстро стал очевиден провал пропагандировавшейся государством «народной приватизации». Большинство россиян остались в конечном итоге и без приватизационных ваучеров и без акций, а большинство из тех, кто сохранил акции, не знали, что с ними делать и не имели от них никакой прибыли. Владельцами госсобственности стали «красные директора», высшие государственные чиновники, отечественные и зарубежные финансовые корпорации и ловкие финансовые спекулянты, криминально-теневые структуры. Радикальные реформы нанесли сокрушительный удар по сфере народного образования, культуре и науке. Тяжелые потери понесла российская промышленность. Благополучным было только положение в отраслях, в первую очередь нефте- и газодобычи, которые выходили на мировой рынок⁵³.

Эти тенденции, соотношение позитивных и негативных тенденций российского олигархического капитализма сохранились и в начале XXI в. Социальные контрасты, деградация образования, науки, медицины, культуры усиливались. В массах нарастала ностальгия по социалистическому прошлому. Идея социальной справедливости, провозглашенная в 1917 г. и укоренившаяся в массовой ментальности, демонстрировала прочную жизнеспособность.

В заключение приведу данные в таблицах 1–2 об эволюции отношения россиян к октябрю 1917 г. на протяжении 20 постсоветских лет (на основании социологического исследования массового исторического сознания Левада-центра)⁵⁴.

Таблица 1

ОКТАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Вопрос: Что, как вам кажется, главным образом, привело к Октябрьской революции?
(до трех ответов)

	1990 г.	1997 г.	2001 г.	2007 г.	2011 г.
Тяжелое положение трудящихся	66	57	60	57	53
Слабость правительственной власти	36	40	39	35	34
Стихийная агрессия толпы	15	15	14	12	15
Экстремизм политических авантюристов	14	14	15	17	14
Заговор врагов русского народа	6	11	11	13	12
Другое	2	1	1	1	2
Затруднились ответить	12	11	9	9	12

⁵³ См. *Согрин В.В.* Политическая история современной России.

⁵⁴ <http://www.levada.ru/archive/pamyatnye-daty>

Таблица 2

Вопрос: С каким из следующих мнений о том, что принесла Октябрьская революция народам России, вы согласились бы скорее всего?

	1990 г.	1997 г.	2004 г.	2005 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Она открыла новую эру в истории народов России	23	23	30	26	28	29	25
Она дала толчок их социальному и экономическому развитию	26	26	27	31	29	29	28
Она затормозила их развитие	18	19	16	16	16	14	19
Она стала для них катастрофой	12	16	14	15	10	9	8
Затруднились ответить	21	16	13	12	17	19	20